ФРЕГАТЪ «ДІАНА».

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

бывшаго

въ 1854 и 1855 годахъ въ Японіи

протоіерея

Василія Махова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
1867.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 іюня 1867 г.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, № 5.

ПРОТОІЕРЕЙ ВАСИЛІЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ МАХОВЪ.

31-го ч. марта, 1864 г., послѣ кратковременной, но жестокой болѣзни, скончался на 69 году, въ селѣ Радубежѣ, Курской губерніи, Фатежскаго уѣзда, протоіерей Василій Емельяновичъ Маховъ.

Сынъ бѣднѣйшаго пономаря той же губерніи, Обоянскаго уѣзда села Бобрышова, онъ, при крайне скудныхъ средствахъ отца, но при собственномъ прилежаніи и усердіи,— съ помощію добрыхъ людей,—окончилъ въ 1815 г. философскій курсъ наукъ въ мѣстной духовной семинаріи, и въ томъ же году былъ поставленъ въ діакона—въ село Бобрышово, а въ 1823 г.—во священника въ село Сковороднево (Дмитріосвапскаго уѣзда). При кроткой и воздержной жизни, проходилъ онъ свое служеніе слишкомъ 50 лѣтъ и всегда отличался неподдѣльнымъ духомъ благочестія. Постигавшія его нерѣдко служебныя и домашнія непріятности переносилъ онъ съ терпѣніемъ, повторяя всегда одно: «боящемуся Господа, благо будетъ напослѣдокъ!» Большая семья его содержалась не столько изъ доходовъ приходскихъ, сколько трудолюбіемъ собственнымъ: онъ былъ вообще прекрасный хозяинъ, но особенно—знающій свое дѣло пчеловодъ! По сдачѣ мѣста своего въ Сковородневѣ одному зятю, самъ перемѣщенъ былъ онъ сперва въ село Кутокъ, а потомъ—въ село Радубежъ. Здѣсь, въ 1849 г., лишился истинно добрѣйшей супруги своей и чадолюбивой матери дѣтямъ. Уступивъ и въ Радубежѣ мѣсто свое зятю, мужу другой дочери, остался онъ за штатомъ. Терпя отчасти нужду и убѣждаемый преосвященнымъ курскимъ, Иліодоромъ—поступить

въ монашество, онъ рѣшился было наконецъ исполнить это желаніе владыки. Но въ это время (1852 г.) дозволено было ему съѣздить въ Петербургъ, для свиданія съ сыномъ, служившимъ въ одномъ изъ департаментовъ м. внутр. д. Съ прибытіемъ его въ Петербургъ, Богу угодно было щедро и въ короткое время вознаградить его за прежнюю неутомимую дѣятельность, и оправдать на дѣлѣ часто повторяемыя имъ слова: «боящемуся Господа, благо будетъ напослѣдокъ!»

Прежде всего причисленъ онъ былъ къ братіи Александро-невской лавры, и вскорѣ намѣстникомъ ея откомандированъ въ домовую церковь оберъ-священника арміи и флота, для временнаго священнослуженія и исправленія требъ.

Въ 1853 г. снаряжался въ кругосвѣтное плаваніе фрегатъ «Діана». Въ походную церковь на немъ требовался морскимъ начальствомъ отъ духовнаго—священникъ. Оберъ-священникъ арміи и флота, по докладѣ свят. прав. сvноду, назначилъ на этотъ фрегатъ—о. Василія Махова. Отправившись на предстоящій подвигъ 4-го октября того же 1853 г. изъ Кронштадта, онъ проплылъ на фрегатѣ: Балтійское и Нѣмецкое моря, Атлантическій и Тихій океаны, обогнулъ мысъ Горнъ. На пути былъ: въ Даніи, Англіи, на Канарскихъ и Сандвичевыхъ островахъ; въ Америкѣ (Ріо-Жанейро и Вальпарайсо), у Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ *. Въ портѣ Аянъ, гдѣ преимущественно кочуютъ гиляки - идолопоклонники, онъ въ 1854 году обратилъ 17 человѣкъ въ христіанскую вѣру. Когда послѣ сего на фрегатъ «Діану» въ Татарскомъ проливѣ пересѣлъ уполномоченный отъ россійскаго Императорскаго двора, для переговоровъ съ японскимъ правительствомъ о торговыхъ дѣлахъ, графъ Путятинъ,—покойный о. Маховъ отправился при немъ чрезъ Японское и Китайское моря въ Японское государство и, находясь въ разныхъ портахъ Японіи, вытерпѣлъ у порта Симода страшное, отъ землетрясенія, кораблекрушеніе. Послѣ полугодичной жизни между японцами, возвращаясь тѣми же морями къ восточнымъ берегамъ Сибири, онъ 20 іюля 1855 г. взятъ былъ англо-французами въ плѣнъ, но чрезъ три дня высаженъ на пустой берегъ при портѣ Аянъ. Отсюда путешествуя чрезъ всю Сибирь съ большимъ задрудненіемъ, безъ средствъ, 6-го декабря прибылъ онъ въ Петербургъ, гдѣ въ награжденіе за окрещеніе гиляковъ—получилъ скуфью; за примѣрно-усердное исполненіе священническихъ обязанностей во время кругосвѣтнаго плаванія—наперсный крестъ; за поднесеніе лично великому князю Константину Николаевичу пріобрѣтенныхъ въ Японскомъ государствѣ монетъ и вещей, пожалованъ 4 февраля 1856 г. отъ его императорскаго высочества съ изъявленіемъ особой признательности, золотымъ съ бриллiантами перстнемъ; по Высочайшему Государя Императора, 28 апрѣля того же года, повелѣнію, — въ пособіе получилъ триста рублей сер. 5-го іюля, по распоряженію оберъ-священника арміи и флота, опредѣленъ въ 16-ю пѣхотную дивизію 6-го армейскаго корпуса, съ званіемъ благочиннаго надъ духовенствомъ въ той дивизіи; гдѣ, въ память минувшей войны, получилъ бронзовую медаль на андреевской и такой же наперсный крестъ на владимірской лентѣ. За расформированіемъ же, по случаю окончанія войны, означеннаго корпуса, остался за штатомъ и поступилъ на жительство въ курскую епархію, въ которой, по указу святѣйшаго сvнода, «за долговременную, отлично-усердную и полезную службу», возведенъ 15-го апрѣля 1857 г. въ санъ протоіерея и награжденъ набедренникомъ.

Казалось бы, что тутъ должно было и окончиться поприще дѣятельности протоіерея Махова, но Промыслъ Божій невидимо готовилъ ему новые подвиги! Въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 г. онъ снова вызванъ былъ свят. Сvнодомъ въ Петербургъ и, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, назначенъ 24 марта быть настоятелемъ церкви россійскаго консульства въ Хакотаде (на островѣ Эзо, въ Японіи), съ жалованьемъ по 2,500 р. сер. въ годъ. —19-го іюля того же года, «по вниманію, какъ къ прежней отлично-усердной и полезной службѣ, такъ и къ трудамъ, предстоящимъ на новомъ поприщѣ», Всемилостивѣйше награжденъ камилавкою, а изъ кабинета Его Величества получилъ установленный

* Нѣсколько писемъ его съ дороги морской къ сыну въ Петербургъ показываютъ, что онъ былъ не холоднымъ путешественникомъ, но любознательнымъ описателемъ видѣнныхъ имъ мѣстностей. *Ив. М — въ.*

для миссіонеровъ за границею золотой наперсный крестъ. Изъ Петербурга отправился онъ 2-го сентября 1858 г. и прибылъ въ Японію 13 іюня 1859 г.

Съ одной стороны, труды по службѣ, съ другой,—частые, подъ разными климатическими условіями, далекіе съ мѣста на мѣсто переѣзды, имѣли рѣзкое вліяніе на шестидесятилѣтнюю жизнь покойнаго. Онъ, правда, вполнѣ утѣшался Божіею къ нему милостію, посылавшею ему столько благъ; но здоровье его болѣе и болѣе упадало. Скорбь о дѣтяхъ (хотя уже взрослыхъ и пристроенныхъ), возмущала его душу, тревожила старческій его покой. Онъ началъ ослабѣвать въ природной крѣпости силъ и болѣтъ серіозно, подвергаясь удушливому съ сильными мокротами кашлю. Въ Хакотаде, гдѣ климатъ особенно разрушительно дѣйствовалъ на здоровье покойнаго, онъ, благодаря Бога за ниспосланную къ нему при концѣ жизни милость, — заявлялъ одно желаніе: «хоть бы добраться до Россіи; хоть бы умереть въ Радубежѣ!» — Богъ услышалъ его молитву, исполнилъ и это желаніе. По болѣзни разрѣшено ему выѣхать изъ Японіи и явиться въ Петербургъ. Въ іюлѣ 1860 г. онъ выѣхалъ, и 19 декабря прибылъ въ Петербургъ, гдѣ по распоряженію св. сѵнода уволенъ на покой — въ курскую епархію. Милость и щедроты Дома Царева еще разъ взыскали отживающаго дни свои, нынѣ покойнаго, протоіерея. Государыня Императрица, за поднесеніе имъ лично въ 1861 г. ея высочеству, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ привезенныхъ изъ Японіи вещей, Всемилостивѣйше соизволила пожаловать ему золотые часы съ цѣпочкою во 125 р. с. 21-го января 1863 г. Высочайше повелѣно производить ему изъ главнаго казначейства пенсію по 400 р. въ годъ. Служа Богу словомъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятелемъ и въ общественной жизни. Съ наступленіемъ 1864 года, покойный началъ чувствовать себя особенно ослабѣвающимъ, и потому сталъ положительно собираться въ загробную жизнь. На другой день Благовѣщенія отправился онъ изъ Радубежа за 30 верстъ въ село Саковнинку, гдѣ, исполняя временно священническую обязанность, слѣдилъ вмѣстѣ съ тѣмъ за постройкою новаго храма. Тамъ, 27 марта, поразилъ его апоплексическій

ударъ съ отнятіемъ языка, правой руки и правой ноги. Привезенный въ такомъ положеніи въ Радубежъ, четыре дня страдалъ онъ убійственнымъ кашлемъ съ мокротою, а 31-го ч., съ закатомъ солнца, скончался. Погребенъ 2-го ч. апрѣля 1864 г. при церкви с. Радубежа.

Миръ праху твоему, добрый человѣкъ, дѣятельный пастырь, чадолюбивый родитель, взысканный милостію и щедротами царскими—кругосвѣтный путешественникъ! Да водворится душа твоя во благихъ небесныхъ такъ, какъ ты за жизнь свою, по боязни ко Господу, утѣшенъ былъ напослѣдокъ благами земными!

Ив. М — въ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Фрегатъ «Діана»...... Кто изъ многихъ русскихъ не слѣдилъ за его предпріимчивымъ въ отдаленныхъ моряхъ плаваніемъ; кому не извѣстно постигшее его у береговъ Японскаго Государства злополучіе, гибель и, наконецъ, самое крушеніе; кто не читалъ объ этомъ ужасномъ происшествіи безъ душевнаго сожалѣнія, сердечнаго участія, искренняго сочувствія и, быть можетъ, безъ слезъ?.. Но прочесть статью о гибели фрегата «Діана»—не равнодушно; раздѣлить горе, случившееся съ роднымъ, близкимъ знакомымъ заочно, пожалѣть о бѣдствующихъ и злополучныхъ мореплавателяхъ—за глаза, чувство одобрительное, искренность впрочемъ на нѣсколько минутъ, память на время!... Каково же было лицу, дѣйствительно страдательному, тому мореходу, который, совершивъ путь свой почти благополучно, застигнутъ былъ горемъ въ окончаніи плаванія неожиданно и въ самыхъ ужасныхъ размѣрахъ?... Человѣкъ то не перенесетъ, что Богъ не пошлетъ! На старости лѣтъ Господь судилъ мнѣ совершить кругосвѣтное путешествіе, видѣть многое, вытерпѣть горькое, сохранилъ мнѣ память о быломъ, почемужъ мнѣ и не разсказать объ этомъ вамъ, мой благосклонный читатель? Прочтите и со старика не взыщите.

ГЛАВА VI.

Прибытіе фрегата „Діана" на восточные берега Сибири. Заливъ Де-Кастри. Дѣло моего служенія. Приведеніе гиляковъ христіанъ въ православную вѣру. Жизнь ихъ. Генералъ-адъютантъ Путятинъ. Плаваніе фрегата „Діана" къ инымъ берегамъ Сибири и въ Японію.

11-го іюля прибывъ благополучно къ восточнымъ берегамъ Сибири, вошли мы въ заливъ Де-Кастри. Здравствуй матушка-Русская земля! Двѣсти восемьдесятъ дней не видали мы тебя, родимая; около году не слыхали вѣстей про нашихъ родичей, про своихъ друзей и пріятелей. Благодареніе Богу! Проплыли 35 т. верстъ въ шесть съ небольшимъ мѣсяцевъ, здраво и благополучно; понасмотрѣлись разныхъ дивъ и диковинокъ, насладились благорастворенным воздухомъ, напитались изобиліемъ плодовъ заморскихъ и опять въ странѣ родной, на Землѣ Русской—православной, встрѣтились съ глазу на глазъ съ своими земляками, получили болѣе или менѣе отрадныя вѣсти о родныхъ и знакомыхъ, прочитали письма не разъ и не два, подѣлились новостями или слухами про между собою и, каждый за свое дѣло! Жителей въ Де-Кастри очень немного, нѣсколько русскихъ казаковъ, два семейства тунгусовъ, гилякъ и приказчикъ американской компаніи. Въ день нашего прибытія всѣ они, видя въ первый разъ прибывшаго сюда православнаго священника и будучи сами православнаго исповѣданія, обратились ко мнѣ съ просьбою - совершить водосвятіе, освятить ихъ домики и такъ какъ лѣтъ шесть они не исповѣдывались и св. Таинъ, не сообщались, предоставить имъ возможность исполнить этотъ христіанскій долгъ. На другой же день я, съѣхавъ на берегъ, началъ совершать служеніе: отправилъ молебное пѣніе съ водоосвященіемъ, окропилъ имѣющіяся на берегу строенія и потомъ пять дней правилъ вечерню, утреню и часы, а на шестой, по учиненіи исповѣди, въ церкви на фрегатѣ имѣющейся, литургію, за которою и пріобщилъ всѣхъ ихъ св. Таинъ. Между тѣмъ одинъ изъ тунгусовъ — православной вѣры, объявилъ мнѣ, что въ недальнемъ разстояніи кочуютъ

въ лѣсахъ гиляки—идолопоклонники, всего семнадцать человѣкъ, которые возъимѣли желаніе принять православную вѣру. Удостовѣрясь объ этомъ чрезъ переводчика тунгуса, я чрезъ посредство его преподалъ имъ кое-что изъ Закона Божія и видя за симъ совершенную расположенность присоединиться къ нашей православной вѣрѣ, нѣсколько дней приготовлялъ ихъ къ принятію крещенія. Предшествующія сему обстоятельства были и тѣ, что они добровольно, лично сами истребили на огнѣ своихъ деревянныхъ и весьма безобразныхъ кумировъ; одна же изъ гилячекъ, мужъ которой былъ въ дальнемъ на это время отсутствіи, осталась не переведенною въ православную вѣру послѣдующему случаю: она готовилась также принять крещеніе, но когда истреблялись кумиры и я, войдя съ переводчикомъ тунгусомъ и другими гиляками въ ея юрту, гдѣ замѣтивъ на стѣнѣ висящій кумиръ хотѣлъ снять оный для истребленія, то она, схвативъ со стола ножъ большой, въ сильномъ азартѣ бросилась ко мнѣ; прочіе же гиляки удержали ее ярость и спасли меня отъ предстоявшей смерти. 22-го іюля совершено крещеніе надъ гиляками въ такомъ порядкѣ: утромъ прибыли съ фрегата на берегъ гг. офицеры въ качествѣ воспріемныхъ отцовъ и далѣе началось по обряду самое крещеніе девяти мужескаго и осьми женскаго пола душъ,— кои наречены во св. Крещеніи слѣдующими именами:

	отъ роду:		**воспринимали:**
Илья Григорьевъ	45	лѣтъ.	Мичм. Григор. Заградскій.
Николай Александровъ	40	»	Лейтен. А. Мусинъ-Пушкинъ.
Констант. Александровъ	40	»	Лейтен. Алекс. Можайскій.
Дмитрій Дмитріевъ	30	»	Прапорщ. Дмитр. Кузнецовъ.
Гавріилъ Петровъ	27	»	} Подпоруч. Петръ Елкинъ.
Петръ Петровъ	25	»	
Георгій Григорьевъ	20	»	Прапорщ. Григор. Семеновъ.
Александръ Александровъ	5	»	Лейтен. Александ. Можайскій.
Василій Дмитріевъ	2	»	Прапорщ. Дмитр. Кузнецовъ.
Просковея Иванова	80	»	Тунгусъ Иванъ Надѣинъ.

	отъ роду.	
Екатерина Владимірова	70 лѣтъ.	Гердемар. Морск. Кад. Корпуса Владиміръ Козинъ.
Анна } Давыдова	30 »	} Мичм. Давыдъ Ивановъ.
Александра } Давыдова	30 »	
Марія } Апполоновы	30 »	} Гардемар. Морск. Кад. Корп. князь Апполонъ Урусовъ.
Агафія } Апполоновы	2 »	
Ольга Георгіева.	27 »	Гардемар. Морск. Кад. Корп. Георгій Свиньинъ.
Екатерина Васильева	22 »	священ. Василій Маховъ.

Нужно было видѣть: съ какимъ удовольствіемъ и душевнымъ благорасположеніемъ принимали св. Крещеніе эти гиляки и гилячки; съ какою радостію возлагали на шею крестъ Господень, исполняли поспѣшно погруженіе въ воду и всѣ прочія обязанности, къ таинству сему относящіяся..... въ глазахъ ихъ была видна вѣра, а въ дѣйствіяхъ — желаніе быть въ христіанствѣ!!!! По совершенномъ окончаніи таинства, отправлено было благодарственное молебное пѣніе съ колѣнопреклоненіемъ; далѣе новокрещенные были исповѣданы *) и сообщены св. Таинъ, въ чемъ дано имъ отъ меня свидѣтельство; надѣлены иконами, свѣчами и ладаномъ и все это они принимали съ величайшимъ благоговѣніемъ. Въ признательность, какъ видѣлось и въ ознаменованіе столь торжественнаго для нихъ событія, они попросили всѣхъ насъ на угощеніе, которое состояло: одно кушанье изъ вяленой несоленой рыбы, заготовляемой ими въ лѣтнюю пору къ зимѣ, а другое, тоже изъ рыбы, но совершенно сырой, неочищенной и животрепещущей, которую сами гиляки употребляютъ съ величайшимъ аппетитомъ; такое кушанье, конечно, было не по нашему вкусу; въ свою очередь и мы угощали ихъ своимъ хлѣбомъ-солью. Гиляки—роста небольшаго, лицомъ довольно некрасивы, пухлы; одѣяніе ихъ — собольи и другихъ звѣрей кожи, волосомъ наружу; на головѣ и по верхъ платья носятъ разныя побрякушки и бляхи;

*) Вопросы для исповѣди и понятіе объ отвѣтахъ сообщены были мнѣ на тунгусскомъ нарѣчіи переводчикомъ предварительно.

занятіе ихъ — охота на соболей, которыхъ бьютъ не изъ ружей, а стрѣлою изъ лука; соболиная шкурка у нихъ дешева: намъ доставалось пару-двѣ соболей пріобрѣтать или за мѣдную пуговицу, или иголку, и тому подобную ничтожность. Воздухъ въ юртахъ гиляковъ нестерпимо-тяжелъ, зловоніе отъ рыбьяго жира — производитъ круженіе головы и даже рвоту; домоводство состоитъ все изъ собакъ, которыхъ имѣютъ въ большомъ количествѣ для перевозки походныхъ своихъ юртъ; другаго скота и имущества нѣтъ. Особенный и отличительный обычай гиляковъ, — состоитъ въ слѣдующемъ: подмѣтивъ медвѣдицу, только что ощенившуюся, уносятъ маленкаго медвѣженка, откармливаютъ его рыбою и по извѣстномъ времени закалываютъ; сзываютъ родныхъ сосѣдей, ѣдятъ и празднуютъ, нѣсколько дней. Тѣла умершихъ своихъ родныхъ опускаютъ не въ землю, а полагаютъ въ лѣсу, въ особо сдѣланныхъ ящикахъ; въ одной сторонѣ такого ящика дѣлается небольшое отверзтіе, или окошечко, въ которое они вставляютъ пищу для покойника. 23-го іюля фрегатъ «Діана» оставилъ Де-Кастри и 26-го прибылъ на мысъ Лазаревъ. Здѣсь имѣлъ уже пребываніе вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ Его Величества Путятинъ, который перейдя въ то же время на фрегатъ «Діана», принялъ его въ свое распоряженіе. Радостна была встрѣча наша съ земляками, отрадно слышалось привѣтное «здравствуй», искренно было пожатіе рукъ и послѣдовательный за тѣмъ поцѣлуй.... Всѣ мы были свои и свои въ сторонѣ далекой..... Долго шли взаимные разсказы о прошедшемъ, дружно составлялись предположенія на будущее и фрегатъ «Діана», вновь скомплектованный, переходилъ, подъ командою генералъ-адъютанта Путятина отъ Лазарева мыса къ посту Александровскому и Николаевскому; наконецъ — 3 октября, несмотря на то, что въ Охотское море нагрянула уже сильная эскадра непріятеля, направилъ быстрое плаваніе къ берегамъ Японіи. Мѣстность, какъ Лазарева мыса, такъ въ особенности Николаевскаго поста чрезвычайно-красива, но воздухъ очень тяжелъ и произрастеній, кромѣ рябины и брусники, нѣтъ; находящіеся на мысѣ орлы замѣчательны по своей величинѣ и многочисленности. Жителей, постоянно имѣющихъ свое

*

пребываніе—нѣтъ; наряжаемыя отъ начальствъ воинскія команды содержатъ караульные посты; зданія небольшія — принадлежатъ собственно казнѣ. Въ недальнемъ разстояніи кочуютъ гиляки, которые снабжали насъ рыбою; денегъ не брали, а за весьма ничтожную какую либо вещицу, напримѣръ: мѣдное колечко, иголочку, пуговку, особенно за листъ табачный или сигарку, охотно давали прекрасную дичь и цѣлую рыбу.

ГЛАВА VII.

Японія. Переходъ фрегата изъ порта въ портъ. Городъ Симода 11 декабря 1854 года. Страшное землятресеніе.

9-го октября прибыли мы къ берегамъ Японіи. Останавливаясь разновременно въ портахъ: Хакодатѣ, Оосака и Кадо, 22-го ноября вошли въ открытый для нѣкоторыхъ націй портъ при городѣ Симода. Въ портѣ Хакодатѣ пробыли восемь дней и съ дозволенія японскаго правительства съѣзжали на берегъ, были въ самомъ городѣ; во время прогулокъ по городу, слѣдомъ за нами ходили мѣстные досмотрщики, съ саблями и кинжалами, строго наблюдая именно за тѣмъ, чтобы кто изъ японцевъ не продалъ намъ какой вещи. Такіе проводы досмотрщика начинались съ выхода нашего на берегъ и оканчивались по отбытіи съ берега на фрегатъ. О постройкѣ домовъ японскихъ и личности самихъ японцевъ будетъ сказано мною далѣе. Съѣзжать при городахъ Оосака и Кадо дозволенія дано не было и на берега свои японцы насъ совершенно не пустили. По прибытіи же въ портъ при городѣ Симода, послѣдовало продолженіе прежде начатыхъ переговоровъ между генералъ-адъютантомъ Путятинымъ и японскими сановниками о трактатѣ, относительно границъ и взаимной торговли Россіи и Японіи. Между тѣмъ включилось слѣдующее обстоятельство: когда мы были еще у города Кадо, то японцы сообщили нашему командиру довольно непріятную вѣсть, что состоящій изъ четы-

рехъ военныхъ судовъ англійскій отрядъ, преслѣдуя фрегатъ нашъ, имѣетъ положительное намѣреніе—разбить оный или забрать его и весь экипажъ въ плѣнъ. Сколько ни тревожна была для насъ такая вѣсть, сколько ни падала на душу скорбь, но отвѣтъ моряковъ, на воодушевленіе генералъ-адъютантомъ Путятинымъ, «драться до послѣдней капли крови» и «живьемъ въ руки не даваться», требовалъ и предохраненія и особенной бдительности. Фрегатъ подвели къ городскому берегу, а въ отдаленности при морѣ устроенъ былъ на взгорьи постъ—наблюдать за приближеніемъ непріятеля. Правительство японское, считая постановку военнаго русскаго поста на землѣ ихъ, за самовольство, сильно возроптало; уполномоченные прекратили личное свое соотношеніе и намъ воспрещено было съѣзжать на берегъ. Фрегатъ оттянулся вдаль отъ береговъ, въ глубь бухты и сталъ вблизи одной высокой отдѣльной скалы. Такимъ образомъ стали мы чисто среди двухъ огней: съ моря—сильнѣйшій непріятель, а на сушѣ непріязнь японцевъ!.... но «ни кто какъ Богъ» — говорятъ на матушкѣ-Руси! Послѣ убѣжденій генералъ-адъютантомъ Путятинымъ о необходимости имѣть въ нашемъ положеніи сторожевой постъ, начальство японское согласилось на это и переговоры о трактатѣ пошли 8-го декабря своимъ порядкомъ; намъ всѣмъ дозволено было съѣзжать на берегъ и бывать въ Симодѣ. Кратковременныя прогулки наши хотя и здѣсь слѣдились досмотрщиками, но гораздо снисходительнѣе и благосклоннѣе, именно: можно было остановиться у торговой лавки, посмотрѣть какую либо вещь, но отнюдь не пріобрѣсть ее; полюбоваться японцемъ, размѣняться поклонами, посмѣяться (разговоровъ въ частности имѣть не могли, не зная японскаго нарѣчія), заглянуть во дворъ, взойти въ кумирню, словомъ: посмотры наши и города, и жителей, дѣлались свободнѣе, а соотношенія добросердечнѣе. 9-го декабря японскіе полномочные были приняты у насъ на фрегатѣ съ особенными почестями: они привезли съ собою разные дорогіе подарки для нашего Императора и, погостивъ не много времени, церемоніально отправились обратно. 11-го числа декабря, въ субботу, началось утромъ отлично-хорошимъ: солнце горѣло лучезарнымъ

свѣтомъ, легкій прохладный вѣтерокъ разносилъ повсюду благоуханіе, птички сладкозвучно щебетали свое пѣніе и день этотъ прекрасный въ натурѣ, великъ былъ для насъ собственно потому, что въ слѣдствіе поконченныхъ соглашеній о трактатѣ, дѣлалось приготовленіе церемоніально отправить въ одиннадцать часовъ японскимъ уполномоченнымъ сановникамъ наши лучшіе русскіе подарки для ихъ повелителей. Въ девять часовъ утра, когда начали пить чай, вдругъ данный толчокъ, сильно потрясъ и поколебалъ весь фрегатъ. Я въ это время былъ въ каютѣ вице-адмирала. Ложки въ стаканахъ задребезжали, столы закачались, скамьи и стулья быстро клонились то на одну, то на другую сторону, сами мы, смутясь духомъ, не могли сидѣть покойно: все тряслось, все колебалось....... Вице-адмиралъ поспѣшно вышелъ изъ своей каюты на верхнюю палубу, видимаго же грознаго дѣйствія на поверхности моря и суши совершенно замѣтно не было. Колебаніе было минуту, или двѣ, и потомъ мало по малу фрегатъ успокоился. Вице-адмиралъ сойдя въ каютъ-компанію, объявилъ, что случай этотъ относится къ землятрясенію, которое не рѣдко бываетъ въ Японіи съ бо́льшими или меньшими послѣдствіями. Далѣе, обыкновенныя занятія моряковъ, прерванныя въ моментъ землетрясенія, пошли своимъ чередомъ, но въ скоромъ однакожъ времени дано знать съ верхней палубы, что вода необыкновенно и быстро покрываетъ всѣ берега. Мы всѣ взошли на верхнюю палубу фрегата, снова пришедшаго въ колебаніе и..... вотъ истинная для васъ, мой добрый читатель, картина, а для насъ бывшая страдательная дѣйствительность и ужасная очевидность грознаго явленія природы и той страшной кары небесной, которая ниспослана была Богомъ въ 11-е число декабря 1854 года и на насъ, и въ особенности на жителей японіи! Вода со дна моря буравила и словно въ котлѣ кипѣла, волны ея клубились и, вздымаясь, разсыпались брызгами; валы съ моря одинъ за другимъ— больше, одинъ другаго сильнѣе съ необыкновеннымъ шумомъ и яростнымъ грохотомъ напирали воду, захватывали берега, мгновенно заливали мѣстность все далѣе — все болѣе..... бывшіе у береговъ японскія лодки коверкало и стремительно разбрасы-

вало въ разныя стороны; натискъ воды, быстро распространяясь, добрался скоро до самаго города, залилъ улицы и возвышаясь болѣе и болѣе (до трехъ саженей высоты) затоплялъ, покрывалъ, размывалъ строенія; далѣе, какъ бы довольствуясь своею прибылью, быстро, игриво уносилъ съ собою обратно въ морскую пучину и разломанное строеніе, и самыхъ людей! Скоро весь заливъ наполнился сплошною массою бревенъ, джонокъ, соломы, платья, труповъ человѣческихъ и людей еще живыхъ, сохраняющихъ пока жизнь свою на какой либо доскѣ, или кускѣ дерева. Стонъ, крики, вопль гибнущихъ японцевъ, шумъ воды, ревъ валовъ, завывающіе всплески—это былъ такой хаосъ, приблизительно которому видимъ картины, съ величайшимъ ужасомъ и содроганіемъ читаемъ описанія или вавилонскаго столпотворенія, или послѣдняго дня Помпеи!.... Тамъ дѣйствовала стихія воздушная, здѣсь страшно губила и немилосердо истребляла все— стихія воды! А что, между тѣмъ, дѣлалось съ нашимъ фрегатомъ, въ какомъ состояніи мы сами находились? Тяжело вспомнить объ этомъ; не легко памяти передать на бумагѣ все видѣнное, перечувствованное!.... Сознаюсь, что и десятой доли не скажу того, о чемъ бы сказать слѣдовало много и много! ....

ГЛАВА VIII.

Фрегатъ «Діана». Молебствіе на фрегатѣ.

Въ моментъ начавшагося волненія (въ 5 мин. 11-го часа) фрегатъ, по мѣрѣ убыли и мгновенной прибыли воды, то опускался, то возвышался; его, какъ мелкую щепку, брошенную въ пучину, начало вертѣть, трепать, бить, колотить, снасти трещали, бока лопались, борты наклонялись стремительно то въ одну, то другую сторону. Страшное оцѣпенѣніе овладѣло нами! Первымъ дѣйствіемъ моряковъ было—закрѣпить пушки, закрыть на-глухо всѣ полуборты и люки, призвать къ фрегату баркасъ съ

нашими же матросами, которые всѣ успѣли перескочить на фрегатъ, и бросить (въ ¼ 11-го часа) второй якорь. Мы задержались. Но вслѣдъ за симъ вода съ моря сильно нахлынула, схватила водоворотомъ катера наши и съ дикимъ ревомъ унеслась къ городу. Не прошло десяти минутъ, какъ унесшійся къ городу одинъ—другой потокъ воды, несся уже обратно къ морю съ величайшею поживою. Бывшій на глазахъ нашихъ городъ— Симода — исчезъ! Надъ мѣстомъ, гдѣ онъ былъ, показался густой туманъ и въ воздухѣ разлился сильнѣйшій сѣрный запахъ. Заливъ покрылся обломками строенія городскаго, масса на поверхности такъ была сплошна, что можно было бы ходить по водѣ,..... обломки плавающіе вертѣло, коверкало, мѣшало съ иломъ и несло далѣе—въ море. Фрегатъ силою водоворотовъ, подняло съ якорей; начало носить съ одной стороны берега къ другой и сперва медленно, а потомъ скорѣе и скорѣе вертѣть и кружить наподобіе мельничнаго жернова; въ полчаса околесило его на одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе сорока разъ. Мы почуствовали сильную головную боль и многіе, обезсилѣвъ, падали съ ногъ долой. Къ исходу 11 часа нанеслись къ фрегату японскія джонки и надѣлали много вреда; онѣ то прибивались, то отбивались стуча и колотя въ бока нашего судна; бывшихъ на нихъ японцевъ мы звали къ себѣ, бросали для спасенія веревки; но или неловкость ихъ, или самоупрямство были собственною гибелью, одна разбивъ себѣ корму о фрегатъ, схвачена была, наконецъ, водоворотомъ и въ глазахъ нашихъ пошла ко дну, а другая унесена перемѣною теченія воды. Таковая же участь постигла и другихъ многихъ японцевъ, удалось только намъ спасти старуху — японку, которую на обломкѣ дерева поднесло къ самому борту фрегата, да еще двухъ — японцевъ — съ маленькой джонки. Далѣе, фрегатъ сильнымъ круженіемъ понесло быстро къ каменистой скалѣ, еще моментъ..... и фрегатъ разбился бы въ дребезги; но въ самомъ недальномъ разстояніи отъ скалы онъ остановился, постоялъ, покружился и мгновенно двинулся въ противоположную сторону. Здѣсь, въ надеждѣ устоять, присмирить хоть сколько нибудь его, бросили третій якорь и.....

о ужасъ! о страшная и грозная для насъ минута! вода схлынула и фрегатъ съ трескомъ и скрипомъ повалился на лѣвый бокъ.— Представьте, сердобольный читатель, каково было наше положеніе?? мы схватились за правый бортъ и повисли надъ бездной; «Господи, спаси насъ!» «Да будетъ воля Твоя!» были послѣднею молитвою каждаго, при сей видимой и неизбѣжной смерти ..... одна пушка, внутри фрегата, сорвавшись съ правой стороны борта и катясь на лѣвую, на поваль задавила матроса Соболева, матросу Викторову оторвала ногу, а еще тремъ дала сильные ушибы. Этимъ только горемъ мы и поплатились на сей разъ. Минутъ около десяти пролежалъ фрегатъ нашъ на боку, какъ бы отдыхая отъ предшествовавшей усталости, для насъ это время тянулось годами цѣлой жизни..... потомъ вода опять прибыла, фрегатъ, выправляясь по немногу, сталъ въ прямое, какъ должно быть, положеніе и вслѣдъ за тѣмъ, вертясь и кружась, унесся на средину бухты. Меня собственно, позвали съ верху внизъ для исповѣди и пріобщенія св. Таинъ больныхъ, ушибенныхъ пушкою; едва я успѣлъ исполнить свой долгъ, какъ раздался по свистку вызовъ: «всѣхъ наверхъ»! Поспѣшно вскочивъ на палубу, я увидѣлъ, что фрегатъ опять склоняется на бокъ. Всѣ потерялись..... суетились, скорбѣли, молились и прощались другъ съ другомъ; иные раздѣвшись до нага, готовились вплавь спасаться. Благословивъ команду, благословивъ дѣтей своихъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдалъ я Богу прегрѣшенія, въ страхѣ и при общемъ смятеніи раздѣлся по примѣру другихъ и готовился, въ случаѣ потопленія фрегата, также вплавь искать собственнаго спасенія..... Господь помиловалъ насъ отъ предшествующаго пагубнаго положенія! Фрегатъ дѣйствительно наклонило, но гораздо меньше какъ въ первый разъ, подало назадъ, а потомъ стрѣлою двинуло къ берегу. Во мгновеніе ока, мы перелетѣли отъ одного берега къ другому, какъ бы по воздуху; ни въ то время, ни послѣ осталось неразгаданнымъ, какъ этотъ быстро-мгновенный перелетъ и отъ чего могъ случиться!... Оказались щели, вода сильно врывалась въ нижнія части фрегата, ее выкачивали люди смѣна за смѣною. Съ 12-ти часовъ губитель-

ное дѣйствіе, казалось, начало стихать, водовороты убавлялись, прибыль и убыль воды дѣлались посредственнѣе; до половины перваго часа бока фрегата обставляли упорными стрѣлами, работа эта шла съ величайшимъ трудомъ для команды и особеннымъ самоотверженіемъ генералъ-адъютанта Путятина. Всѣ крайне выбились изъ силъ, всѣ страшно изнемогли..... Съ половины перваго еще возобновилось прежнее грозное дѣйствіе воды: фрегатъ сорвало, закружило и носило разными направленіями по бухтѣ, три раза сворачивало на бокъ, но гораздо слабѣе и разъ къ разу менѣе. Эта вторичная пытка тянулась около часа, наконецъ съ двухъ часовъ натискъ воды съ моря сталъ уменьшаться, водовороты слабѣли, круговращеніе прекращалось, все приходило въ болѣе спокойное положеніе и въ три часа все стихло! Фрегатъ остановился на значительной глубинѣ залива среди обломковъ зданій японскихъ, лодокъ разбитыхъ, труповъ-утопленниковъ, илу и разнаго другаго мусора, нанесеннаго съ мѣстности городской и поднятаго со дна моря! Въ 4½ часа собрались мы въ храмъ свой на совершеніе благодарственнаго молебнаго пѣнія къ Господу, избавившему насъ отъ величайшихъ бѣдъ и потопленія. Мы молились въ непрошедшемъ еще страхѣ, со страхомъ и трепетомъ; сердцемъ сокрушеннымъ благодарили Спасителя-Бога, даровавшаго намъ спасеніе и животъ жизни; мы воспѣвали Его благость, защитившую насъ отъ конечнаго злаго обстоянія, мы славословили милосердіе неизрѣченное, отъ бѣдъ насъ свободившее; мы величали благоутробіе Спаса, наказавшаго насъ, но смерти не предавшаго; колѣнопреклоненно, со слезами и усердіемъ молились съ благодареніемъ и прошеніемъ, да спасый люди Своя,—благословитъ достояніе во вѣки..... Нужно было видѣть въ этотъ часъ семью нашу скорбную, чтобы истинно убѣдиться въ изреченіи: «Кто на-морѣ небывалъ, тотъ до-сыта Богу не маливался».

ГЛАВА IX.

Осмотръ фрегата. Мѣстность города Симоды. Японцы-горюны. Похороны матроса Соболева. Русскій священникъ и японское духовенство. Работы на фрегатѣ. Выходъ изъ Симодской бухты. Двѣ пословицы.

Послѣ молебствія начали осматривать фрегатъ; бѣдный!..... оказался въ крайне-гибельномъ положеніи: руль оторванъ съ петлями, обшивныя доски во многихъ мѣстахъ содраны, чрезъ пробоины вода стремится сильно и наполняетъ нижнія части судна, въ каютахъ все разбросано, перебито, переломано, порядка—какъ ни въ чемъ не бывало! 12-го декабря съѣхали мы на берегъ и обозрѣвали мѣсто, гдѣ былъ городъ Симода. Мало сказать, что мѣсто это сдѣлалось мѣстомъ разоренія или разрушенія; послѣ бурь и пожара остается хоть что либо; тутъ послѣ наводненія и такого потопленія, представлялась одна долина, измытая и забросанная по мѣстамъ грудою морскихъ каменьевъ. Множество японскихъ джонокъ и разбитыхъ и уцѣлѣвшихъ раскидано въ величайшемъ безпорядкѣ (въ томъ числѣ отъисканы наши: катеръ, шестивесельная лодка и другія къ фрегату принадлежности); трупы утопленниковъ представляли картину страшнаго безобразія: тамъ японецъ, обхвативъ дерево, закостенѣлъ при немъ; въ иномъ мѣстѣ японка-мать, притиснутая камнемъ, замерла съ дѣтищемъ своимъ; кто повисъ на деревѣ, другой торчитъ изъ-подъ ила и песку, нанесеннаго съ моря..... картина, говорю, страшная; зрѣлище—ужасное!! Городъ до землетрясенія видѣли мы обширнымъ, строенія были дивно-красивыя, а теперь кое-гдѣ по горамъ уцѣлѣло 15 или 20 зданій; болѣе тысячи домовъ—какъ не бывало! Жителей погибло тысячи двѣ или три; остальные, при началѣ землетрясенія, бѣжали на горы и спаслись отъ гибельной участи. Осматривая запустѣлую мѣстность съ истиннымъ сожалѣніемъ, встрѣчали мы японцевъ, потерявшихъ здѣсь все свое достояніе! Удивительный народъ! вмѣсто горя—имъ смѣхъ; вмѣсто сожалѣнія—равнодушіе; взамѣнъ скорби—веселый видъ; ходятъ по долинѣ, посмѣиваются, да табачокъ, то и дѣло, покуриваютъ. «Бы-

лаго, дескать, горемъ не воротишь!» Они разсказывали, что въ день землятресенія въ окрестностяхъ Симоды изходилъ по возгорью огонь и бывшія на приморскомъ берегу селенія всѣ разрушило и смыло до основанія. 13-го числа были похороны задавленнаго пушкою—матроса Соболева. Съ одной стороны для исполненія нашего христіанскаго обряда, а съ другой, чтобы показать японцамъ, какъ въ Россіи предаютъ землѣ тѣла умершихъ, погребеніе Соболева совершалось на отведенномъ японскимъ правительствомъ мѣстѣ, церемоніально. Съ берега гробъ несли матросы, впереди ихъ: генералъ-адъютантъ Путятинъ съ гг. офицерами; я въ іерейскомъ облаченіи и пѣвчіе; позади гроба — команда. Процессія такая и громогласное на пути пѣніе: «Святый Боже»..... собрало множество японцевъ, они падали ницъ и дивились на насъ; когда мы пришли къ могилѣ, то прибылъ сюда же старшій японскій бонза съ прочимъ духовенствомъ, во всемъ своемъ облаченіи и вызывался мнѣ отпѣть и похоронить тѣло Соболева по обряду японскому; въ просьбѣ этой ему было отказано. При отправленіи панихиды, духовенство японское стояло близъ насъ и когда запѣли: «вѣчная память»..... гробъ стали опускать въ могилу и засыпать землею: японцы съ особеннымъ любопытствомъ и удивленіемъ посматривали то на насъ, то на зарываемую могилу. Вслѣдъ за тѣмъ бонза, подойдя ко мнѣ, внимательно разсматривалъ бывшее въ моихъ рукахъ кадило и все на мнѣ облаченіе; а по разоблаченіи взявъ меня за руку, повелъ въ свою кумирню и здѣсь угощалъ чаемъ; самъ онъ и прочее духовенство такъ были ко мнѣ ласковы и добродушны, что послѣдующая за симъ обоюдная наша встрѣча была уже не посмотромъ одинъ другаго, а знакомствомъ близкимъ и весьма пріятнымъ. Бывая нерѣдко у горныхъ монаховъ, я пріобрѣлъ, — хотя не совсѣмъ положительное, понятіе о вѣрѣ японской и свойственныхъ вѣрѣ этой обрядахъ. Въ слѣдующихъ главахъ обо всемъ этомъ будетъ сказано мною. — 14, 15 и 16-го числъ свозили съ фрегата на берегъ пушки и другія принадлежности, далѣе устанавливали новый парусъ, придѣлывали руль и чинили гребныя суда. Посылаемые для отысканія безопасной гавани и возвратив-

шіеся 30 декабря наши офицеры разсказывали, что постройки по берегамъ моря видѣли они совершенно разрушенными, что городъ Оосака, подобно Симодѣ, смыло до основанія. 2-го января 1855 года поутру мы вышли изъ Симодской бухты, имѣя направленіе свое къ городу Іеддо. Добрые японцы оказали при семъ великое свое благодушіе: они дали намъ большую джонку, на случай спасенія нашего въ то время, если бы фрегатъ началъ гибнуть на предстоящемъ пути. Въ Симодѣ же осталось нѣсколько человѣкъ, изъ фрегатскаго экипажа. Верстъ тридцать проплыли мы кое-какъ; къ вечеру поднялся вѣтеръ бурливый, который что далѣе, то болѣе усиливался, разводилъ волненіе и способствовалъ къ течи на фрегатѣ; горе слѣдовало за горемъ: приправленную потесь повредило волною, фрегатъ часъ отъ часу дѣлался неспособнымъ къ дальнѣйшему ходу. 3-го января волненіе приняло грозный видъ и мы остановились на трехъ якоряхъ недалеко отъ берега при селеніи Міасимо. Слыхалъ я отъ старыхъ моряковъ двѣ пословицы: «Видючи нéпогодь-не пóшто въ морѣ». «Съ моря жди горя, а отъ воды бѣды!.»

ГЛАВА X.

Опасное положеніе. Промыслъ Божій и услуга японцевъ. Переправа съ фрегата на берегъ. Гибель фрегата «Діана».

..... и правда; море причинило намъ большое горе, а вода въ конецъ одолѣла! 3-го и 4-го числа вѣтеръ не стихалъ, погода морская бушевала безъ-устали; воду неуспѣвала команда откачивать день и ночь; фрегатъ опускался ниже и ниже; положеніе наше часъ-отъ-часу дѣлалось опаснымъ; заговорили рѣшительно о принятіи мѣръ къ спасенію команды и имущества. Но какъ спасаться при такой погодѣ; какъ преодолѣть явно-гибельныя трудности въ переправѣ съ фрегата на берегъ; какія прибрать средства надежныя изъ — невозможнаго сдѣлать возможное, изъ непрео-

долимаго — побѣдимое, отъ смерти явной — быть и жить?... Упованіе на Бога, отважности и присутствіе духа моряка чего не преодолѣютъ, надъ чѣмъ не восторжествуютъ? «Смѣлымъ Богъ владѣетъ» — вскричали два моряка! и мигомъ шестивесельный катеръ спущенъ на воду..... Два офицера N. N. и шесть человѣкъ матросовъ, напутствуемые благословеніемъ и пожеланіемъ добраться къ берегу, распрощались на предсмертный часъ и взявъ конецъ веревки, оставленной другимъ концомъ на фрегатѣ, смѣло пустились на явную смерть..... отчалили..... волна одна и другая быстро подхватили катеръ..... а налетѣвшій валъ скрылъ его отъ нашихъ глазъ..... «Погибли»! вскрикнули мы въ страхѣ и уныніи..... «Спасены!» раздалось въ воздухѣ..... Дѣйствительно, смотримъ и глазамъ не вѣримъ: собравшіеся еще съ ранняго утра на посмотръ участи нашей тысячи японцевъ и японокъ, человѣколюбиво толпою хлопотали и заботились около чего-то на берегѣ; это что-то — былъ нашъ катеръ и наши смѣльчаки-спасители! Японцы смѣтили, предъугадывая намѣреніе относительно направленнаго къ берегу катера и разсчитывая, что несущіеся къ берегу буруны непремѣнно выкинутъ туда катеръ, привязались на веревкахъ и какъ только катеръ нанесло на берегъ, схватились за него, удержали и не дали съ отливомъ унестись ему обратно въ море! Добрый народъ; право добрый и человѣколюбивый! Здравствуйте жъ, люди добрые на многія лѣта, живите и помните, что услуга ваша спасла до 500 человѣкъ народовъ — иноземныхъ, обязала жизнію по нынѣ живущихъ и признательно памятующихъ о 4-мъ днѣ января 1855 года!!! Веревочная опора основалась, тотчасъ началась проба къ переправѣ нашей съ фрегата на берегъ; шесть человѣкъ отправились въ лодкѣ по канату..... волна за волной захлестывали ихъ: то покажутся изъ воды, то опять скроются; волосъ дыбомъ становился, наконецъ добрались очень медленно и вытащены на берегъ всѣ живыми! Бушующая погода и застигшая ночь остановили дальнѣйшую нашу переправу, — свозъ отложенъ былъ до утра. Ночь провели мы безъ сна; и всѣмъ, — что было ёмкое, отливали воду; но прибыль ея не уменьшалась, очевидная гибель наша становилась часъ

отъ-часу неминуемою..... между тѣмъ изъ разныхъ обломковъ досокъ дѣлали плотъ; утра мы ждали какъ особенной благодати Божіей..... Начало свѣтать, вѣтеръ хотя и стихъ нѣсколько, но буруны и сильное волненіе у береговъ не унимались. Приступили къ переправѣ, которая происходила такъ: медика, четырехъ трудно-больныхъ, мичмана, двухъ гардемаринъ и меня со св. Дарами, — антиминсомъ, крестомъ и Евангеліемъ посадили на амиральскій катеръ и первыми отправили на берегъ. Катеръ долго тянулся по канату; а вблизи берега будучи подхваченъ буруномъ, стремительно выкинутъ вмѣстѣ съ нами на берегъ благополучно. Команду свозили партіями: по шестидесяти человѣкъ сажали на баркасъ, который люди тянули также по канату и не доплывая до буруновъ, останавливались; за тѣмъ накидывая подъ руки веревочную передвижную петлю, подаваемую по канату съ берега, каждый по одиночкѣ былъ таскаемъ чрезъ буруны на берегъ. Послѣднимъ переправился съ фрегата на берегъ, при страшно возобновившейся непогодѣ, вице-адмиралъ Путятинъ. Такой ужасный переводъ людей и нѣкотораго весьма необходимаго имущества, окончился предъ вечеромъ благополучно. 6-го числа (въ день Богоявленія Господня) фрегатъ мы видѣли довольно погруженнымъ въ воду; нѣкоторые изъ матросовъ плавали къ нему на баркасѣ, свезли съ него часть багажа, незалитаго еще водою; день этотъ провели весь въ заботливости о мѣрахъ къ спасенію отъ конечной гибели фрегата. Японцы съ состраданіемъ смотрѣли на насъ и особеннымъ участіемъ содѣйствовали къ поданію всякой возможной помощи. 7-го числа, рано утромъ, собрали они до сотни лодокъ своихъ и при продолжающейся непогодѣ отправились съ частію нашей команды къ фрегату, чтобы перетянуть его для починки въ ближащій закрытый портъ. Долго хлопотали они около фрегата, успѣли стянуть его съ мѣста и провели верстъ пять по назначенному направленію..... далѣе, видимъ мы съ берега, что всѣ тѣ лодки, бросивъ фрегатъ, поспѣшно стремятся къ берегу..... мы изумились этому и не понимали причины дѣйствія японцевъ; не прошло и четверти часа, какъ появился сильнѣйшій шквалъ, развелъ страшное волненіе, обратилъ и понесъ фрегатъ

нашъ на прежнее мѣсто. Тутъ начало его вертѣть и кружить, а наскочившій бурунъ опрокинулъ его вверхъ дномъ!.... Долго ярыя волны съ шумомъ и трескомъ разбивались о дно злополучнаго судна; долго — страшные буруны играли съ своею жертвою; заунывно выли вѣтры отходную пѣснь гибнувшей «Діанѣ» и..... наступившая ночь скрыла отъ насъ окончательную участь фрегата!.... Утромъ слѣдующаго дня, видно его уже не было. Такъ погибъ у береговъ японскихъ нашъ кругосвѣтный домъ, такъ окончилъ свое бытіе злополучный русскій фрегатъ «Діана»!! Поскорбѣли..... погоревали..... и обратились къ добрѣйшимъ людямъ — японцамъ.

ГЛАВА XI.

Заботливость о насъ японцевъ. Переходъ изъ Міасимо въ Іеддо. Встрѣча насъ городскими жителями. Размѣщеніе наше.

Состраданіе японскаго правительства къ нашему горькому положенію не замедлило выразиться въ искреннемъ добросердечіи, особенной внимательности и явномъ человѣколюбіи. Присланные нарочно изъ столичнаго города чиновники, скорбѣли о постигшемъ насъ несчастіи, заботились о нашемъ успокоеніи, хлопотали о средствахъ обсушить, согрѣть и накормить насъ. Каждодневно прибывающій толпою изъ городовъ и селеній народъ японскій, а въ особенности жители Міасимо, оказывали намъ какое только могли пособіе: иные поспѣшно ставили заборчатые сараи и навѣсы, чтобы укрыть насъ отъ непогоды; другіе несли циновки, маты, ковры, ватныя одѣяла, халаты и разную обувь; кто приносилъ чайники съ кипяткомъ и чаемъ, кто-рисъ, саги (водки) апельсины, рыбу, яица; замѣчательно было то, что нѣкоторые изъ японцевъ, снимая съ себя халаты, тотчасъ отдавали ихъ нашимъ перезябшимъ и передрогшимъ матросамъ..... Участіе на дѣлѣ, выражалось соболѣзнованіемъ на лицѣ японцевъ; ласковая утѣшительная улыбка, вздохи, привѣтственные поклоны, скоробѣжная походка и другія дѣйствія облегчали наше горе. Не долго пробыли мы здѣсь; 11-го числа, раздѣлясь на двѣ партіи, отправились пѣшеходно по большой дорогѣ въ Іеддо. Больныхъ нашихъ несли японцы въ какихъ-то ящикахъ, весьма красивыхъ и покойныхъ. Ящики эти устроены изъ тонкихъ досокъ съ окнами по сторонамъ; внутренность убрана чисто и прекрасно; тамъ имѣются мягкій тюфякъ, теплое одѣяло и другія принадлежности, сидѣть или лежать въ такихъ ящикахъ весьма удобно, а главное — покойно. Походная эта клѣтка, довольно занимательная вещь въ Японіи. Шли мы по дорогѣ около пятидесяти верстъ два дня; селенія и города были частые, — въ которыхъ останавливались для отдыха. Японцы иные слѣдовали за нами, а большею частію изъ любопытства сходились во множествѣ на посмотръ насъ къ той дорогѣ, по которой мы проходили; они припадали къ землѣ въ знакъ своего намъ почтенія, или привѣтствовали, по обычаю, наклоненіемъ головъ и присѣданіемъ. Въ мѣстахъ отдыха угощали насъ радушно всѣмъ, что только имѣлось съѣстнаго. Между тѣмъ шедшіе впереди чиновники отводили для нашего почлега храмы и кумирни, но кумировъ или выносили вонъ, или заставляли досками довольно щитно. На полдорогѣ какой-то старшій чиновникъ раздавалъ намъ въ подарокъ — конверты; въ конвертѣ этомъ съ надписями находился рисунокъ съ прекраснѣйшаго дерева японскаго, названіе котораго не припомню. (Видъ конверта и рисунка.) Приближаясь къ Іеддо, повтрѣчалась намъ въ первый разъ японская почта. Напротивъ насъ бѣжалъ очень скоро одинъ японецъ съ предлинною палкою, значкомъ на ней, и съ сумою или съ небольшимъ ящикомъ на груди; изъ любопытства тотчасъ освѣдомились, что эта почта съ казенными бумагами и частными письмами; ящикъ этотъ передается отъ одного лица-другому на извѣстныхъ станціяхъ до тѣхъ поръ, пока посылаемое достигнетъ своего назначенія. 12-го числа вступили мы церемоніальнымъ порядкомъ въ Іеддо при многочисленномъ стеченіи народа, знатнѣйшихъ особъ городскихъ и чиновниковъ японскихъ. Встрѣча намъ была торжественная, ласковая, добро-

душная; въ обычныхъ поклонахъ высказывалось примѣрно наше русское привѣтствіе: «милости просимъ», «добро пожаловать», «ради гостямъ»! Насъ привели къ назначенному для жительства нашего мѣсту; здѣсь нашли мы вновь построенные дома для нижнихъ чиновъ. Вице-адмиралу и всѣмъ офицерамъ отведенъ большой особый домъ, бывшій кумирнею, или храмомъ городскимъ. Кумиры были вынесены, на полу разосланы чистые маты, разставлена по мѣстамъ разная провизія; мы размѣстились по назначенію и удобству. На другой день явившіеся чиновники принесли отъ своего правительства много подарковъ, были приняты съ почестями и отправились съ церемоніею. Съ этого времени и по іюль мѣсяцъ имѣлъ я постоянное въ городѣ Іеддо пребываніе; что самъ видѣлъ, понималъ или соображалъ о дѣяніяхъ мѣстныхъ жителей, о томъ и буду разсказывать вамъ, благосклонный читатель. Не взыщите на излишнихъ подробностяхъ моего описанія, примите во вниманіе первое то, что языкъ японскій мнѣ не извѣстенъ, хотя къ нѣкоторымъ немногимъ словамъ его я по времени и примѣнился; во-вторыхъ, осмотръ мой мѣстности не простирался далѣе города и на разстояніе небольшое за городомъ; въ третьихъ, ходилъ я на прогулку всегда одинъ и въ-четвертыхъ — записывая, что видѣлъ и слышалъ, сообщаю вамъ не какъ писатель, желающій извѣстности, а какъ разсказсчикъ для свѣдѣнія о Японіи.

ГЛАВА XII,

въ которой разсказъ идетъ о Японіи.

Климатъ, разнаго рода постройки, личность и жизнь японцевъ, обряды и вѣроисповѣданіе, растенія и всякаго рода произведенія, промыслы — будутъ предметами слѣдующаго моего разсказа. Свѣдѣнія объ этомъ собраны мною въ полугодичное пребываніе въ городѣ Іеддо и потому за краткость ихъ, да не взыщетъ съ меня благосклонный читатель. Я не примѣняю далѣе сказаннаго къ общей мѣстности въ Японіи, — но замѣтки свои вывожу: однѣ по

собственному соображенію, другія — съ сообщеннаго японскими бонзами (тоже, что у насъ священники) и, наконецъ, третьимъ самъ былъ на мѣстѣ очевидцемъ. Съ бонзами и особенно двумя изъ нихъ: Нитто и Зюйто, я скоро сошелся дружественно, искренно — пріятно. У нихъ я проводилъ большую часть времени свободнаго, объясняясь въ началѣ знаками, а потомъ и на словахъ, довольно хотя отрывистыхъ, но для того и другаго понятныхъ. Люди эти добрые — остались и останутся въ памяти моей навсегда за ихъ добродушіе, ласку, гостепріимство, нелицемѣрную искренность при проводахъ и прощаніи со мною во 2-е число іюня 1855 года. Да будетъ жизнь ихъ и всѣхъ японцевъ въ мирѣ.

Климатъ.

Хотя въ пребываніе наше въ городахъ Симодѣ и Іеддо бывали дни ненастные, перепадали изрѣдка дожди, находили густые туманы, случалась пора нѣсколько холодная; но непродолжительное такое ненастье вовсе нельзя сравнивать со всѣми тѣми непогодами, которыя бываютъ у насъ, въ Россіи, и вособенности на Сѣверѣ. Наша осень можетъ даже почестъся зимою въ Японіи; по большей части погода здѣсь довольно теплая и дни постоянно ясные. Сады зеленѣютъ, цвѣты—благоухаютъ, солнце съ утра до вечера свѣтитъ ярко, ночи — съ прохладою.... если дождь когда и пройдетъ, то орошая землю, освѣжитъ воздухъ. Возможно ли, напримѣръ, у насъ въ январѣ и февралѣ — купанье въ рѣкѣ?... мы купались по два и по три раза въ день и вода была теплѣе нашей воды! Бываетъ ли у насъ въ то же время какая либо зелень въ садахъ и на поляхъ?... мы видѣли и деревья съ плодами, и долины покрыты зеленью. У насъ зимою природа мертва—въ Японіи она живительна, благотворна; при холодахъ мы кутаемся въ довольно теплое платье, а здѣсь и въ легкой одеждѣ невыносимо-жарко; у насъ въ домѣ по нѣсколько печей — японцы и понятія объ нихъ не имѣютъ. А потому и заключаю, что климатъ въ Японіи долженъ быть постоянно прекрасный, теплый, живительно благорастворенный.

*

Постройки.

Зданія въ городѣ Іеддо гораздо хуже тѣхъ построекъ, которыя я видѣлъ въ Хакодадѣ и Симодѣ. На вопросъ о непрочности жилыхъ домовъ и не особенной рачительности о постройкахъ, японцы, съ которыми я былъ знакомъ, отзывались мнѣ, что часто бывающее въ ихъ странахъ землетрясеніе не располагаетъ строить даже какое либо зданіе изъ камня. Дома у нихъ всѣ деревянные, одноэтажные, весьма рѣдко двухэтажныя, на глиняныхъ, твердыхъ фундаментахъ. Потеря такого дома чрезъ землетрясеніе, — не великое, конечно, горе для японца; лѣсу много и постройка цѣлаго дома не убыточно можетъ быть сдѣлана въ нѣсколько дней. Строятъ они дома свои такъ: укрѣпивъ на фундаментѣ стоймя и наискось извѣстное число столбовъ и перекладинъ деревянныхъ, накалачиваютъ къ нимъ гвоздями съ обоихъ сторонъ тонкія, покрытыя иногда узорчатымъ лакомъ, доски; въ простѣнкахъ дѣлаютъ отверзтіе для дверей и оконъ, снаружи углы связываютъ для прочности листовою мѣдью, кроютъ соломою и вособенности красиво черепицею. Если домъ желаютъ построить двухэтажный (что впрочемъ весьма рѣдко бываетъ), то столбы выбираютъ высокіе, или наставляютъ по мѣрѣ надобности; этажъ верхній отъ этажа нижняго отдѣляютъ досками, верхъ назначается обыкновенно для жилыхъ комнатъ домовладѣльца, а низъ—для прислуги или кладовыхъ. Домъ богатаго человѣка отличается отъ дома простолюдина преимущественно тѣмъ, что ставится вдали отъ улицы, имѣетъ передъ собою просторный дворъ и окружается или досчатымъ высокимъ заборомъ, или же земляною насыпью; дома же людей небогатыхъ тѣсно прижаты одинъ къ другому въ уровень по улицѣ; садъ или цвѣтникъ прекрасный и огородъ небольшой — необходимая принадлежность почти каждаго дома, кромѣ того при нѣкоторыхъ домахъ есть разнаго рода мелочныя пристройки. Японцы по одному и тому же образцу, строятъ всѣ прочія, кромѣ храмовъ, зданія. Внутреннее расположеніе жилыхъ домовъ изъ подвижныхъ бумажныхъ или тростниковыхъ, весьма красивыхъ, ширмъ; число комнатъ во

всякое время можно прибавить и убавить по произволу; стѣны оклеиваются росписною, даже золоченою бумагою; въ окнахъ рамъ и стеколъ нѣтъ, пустое отверзтіе заставляется на ночь ширмами. Украшеніе — по стѣнамъ: картины, разныя ручныя издѣлія,— значительныя и ничтожныя рѣдкости, печей нѣтъ, а вмѣсто ихъ посрединѣ комнаты сложенъ небольшой очажокъ, надъ которымъ постоянно виситъ котелокъ или чайникъ; дрова день и ночь горятъ внизу очага; въ котелкѣ варится какое либо кушанье, а въ чайникѣ растворяется чай. Столовъ, стульевъ, дивановъ, кроватей и прочаго,—какъ у насъ водится, — ничего нѣтъ; по полу разостланы соломенные очень красивые маты, цыновки или плетенки, — посуда помѣщается на доскѣ, прикрѣпленной къ стѣнѣ; чистоту, опрятность, во всемъ дивный порядокъ японцы соблюдаютъ вособенности. При дворѣ человѣка богатаго или знатнаго слугъ множество, а дѣлать имъ по большей части нечего. Праздность есть отличительное занятіе, такъ называемыхъ по нашему, дворовыхъ людей. Богачь японскій, или вельможа, при домѣ своемъ имѣетъ обширный садъ съ особенными деревьями, а въ комнатахъ стѣны размалеваны живописью какихъ-то безобразныхъ уродовъ; фарфоровая и отлично лакированная посуда, золотыя и серебряныя вещи составляютъ истинную роскошь каждаго богатаго японца. Мелочныя пристройки заняты предметами торговли, имуществомъ домовладѣльца или служителями его. Вообще всякаго рода постройка въ Японіи однообразно деревянная, малопрочная, неслишкомъ красивая; но жителямъ мѣстнымъ очень пригодная, какъ по теплому климату, такъ и незначительной потерѣ ея при случаѣ нерѣдко бывающаго въ той странѣ землетрясенія. (Въ пребываніе наше землетрясеніе было около шести или семи разъ.) Улицы въ городѣ и селеніяхъ прямыя, не слишкомъ широкія; содержатся онѣ весьма чисто; въ началѣ и концѣ нѣкорыхъ улицъ — ворота, при иныхъ находится караулъ военный, строго наблюдающій за порядкомъ и благочиніемъ. Въ ночное время каждая улица хотя слабо, но освѣщается фонарями; по пробитіи въ колоколъ ночныхъ часовъ, настаетъ удивительная тишина по всему городу. Кто имѣетъ надобность идти по улицѣ ночью,

тотъ непремѣнно долженъ имѣть фонарь въ рукѣ,—иначе часовые тотчасъ арестуютъ

Личность японцевъ.

Японцы всѣ вообще ростомъ довольно малы. Насъ — русскихъ, считали они противъ себя за великановъ; тѣлосложенія они полнаго, лицомъ блѣдны и не красивы; ходятъ съ нѣсколько наклонепною головою; взглядъ привѣтливый, выраженіе лица кроткое, постоянно съ улыбкою и добродушное. Извѣдать нравъ и характеръ ихъ, представлялось много случаевъ; но я сошлюсь только на особо отличительные и для насъ достопомятные. Японцы: сострадательны и человѣколюбивы, — это доказано ими на дѣлѣ при спасеніи насъ во время гибели фрегата «Діана»; гостепріимны и добры, — они, измѣнивъ даже законъ свой — не принимать въ государство людей иностранныхъ, кромѣ голландцевъ, приняли насъ ласково въ странѣ своей, дали пріютъ и доставляли все относящееся до жизненной потребности; дружелюбны и чувствительны, — во все время пребыванія нашего у нихъ не только не дѣлали оскорбленія кому либо изъ насъ, но оказывая всегдашнюю свою благорасположенность и почтительность каждому, пріязнь свою и сожалѣніе о насъ выразили при отъѣздѣ нашемъ изъ Японіи. Между собою одинъ къ другому почтительны, всегда кротки и миролюбивы. Конечно, о каждомъ японцѣ сказать этого нельзя, иной надмѣненъ и гордъ, въ другомъ видно притворство и лицемѣріе, тотъ — боязливъ и недовѣрчивъ, а въ комъ либо есть другіе и болѣе того предосудительные пороки; но говорить объ этомъ — дѣло не мое; я видѣлъ къ себѣ одно хорошее и довольно этого. Многочисленность жителей въ городахъ и приморскихъ селеніяхъ даетъ возможность заключать, что Японское Государство чрезвычайно многолюдно. Каждый клочекъ земли, удобный къ постройкѣ— застроенъ; каждый небольшой домикъ вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько семей японцевъ; иные даже кочуютъ просто подъ открытымъ небомъ, съ зонтами въ рукѣ и вѣерами за поясомъ. Одѣяніе японцевъ большею частію одинаково: халаты съ широкими

рукавами служатъ у мужчинъ и женщинъ за верхнее и исподнее платье, они шьются: верхъ изъ бумажной ткани, а подкладка всегда изъ шелковой узорчатой матеріи; покрой или длинный до пятъ — или короткій по колѣна, съ отложными красивыми воротниками и очень широкими, въ видѣ нашихъ священническихъ рясъ, рукавами; въ рукавахъ японцы носятъ съ собою — много кое-чего мелочнаго. Достоинство лучшей по подкладкѣ матеріи и число надѣтыхъ халатовъ, — опредѣляетъ состояніе японца; чѣмъ подбой халата лучше, и на плечахъ ихъ больше, тѣмъ онъ считается богаче противъ другаго; богачи и щеголи надѣваютъ иногда до пяти халатовъ, люди средняго состоянія — отъ 2 до 3-хъ, а бѣдные по одному и по два имѣютъ халата. Опоясываются кушакомъ, довольно широкимъ, концы котораго женщины пускаютъ съ лѣвой стороны длинные, а мужчины завязываютъ бантомъ назади; за кушакомъ у нихъ: вѣера, чернилица, трубка табаку и много другое. У чиновниковъ кромѣ того по два кинжала. Поверхъ накидываютъ халатъ короткій; послѣдній употребляютъ въ двухъ однакожъ случаяхъ: при церемоніяхъ праздничныхъ и тогда онъ бываетъ весь изъ лучшей шелковой матеріи съ разными богатыми вышивками, или въ непогоду и холодъ — изъ толстой бумажной ткани. Цвѣтъ матеріи халатной — разный, но самое нарядное праздничное или церемоніальное у нихъ платье — цвѣта темнаго или совсѣмъ чернаго. Матеріи чисто бѣлаго цвѣта японцы не любятъ; цвѣтъ бѣлый употребляется только во время какой либо особенной скорби и сѣтованія. Обувь общая у всѣхъ японцевъ — носки изъ бумажной матеріи и соломенныя подъ ступнями плетенки, называемыя: «зори»; въ ненастную погоду, вмѣсто соломенныхъ, подвязываютъ деревянныя тонкія колодки на шипахъ, въ комнаты входятъ въ однихъ чулкахъ, а зори оставляютъ, какъ мы колоши, у дверей. Голову въ жаркую пору прикрываютъ вѣерами,— зонтикомъ, крепповымъ платочкомъ; въ прохладное же время ходятъ прямо съ открытою головой; бороды и усы брѣютъ или ловко подрѣзаютъ, даже вырываютъ щипчиками по волосинкѣ; волосы съ передней части головы до ушей сбриваютъ на-чисто; а заднія отращиваютъ длинно, намазываютъ клейкою черною жидкостію,

зачесываютъ кверху, взбиваютъ у макушки головы, затягиваютъ шнуркомъ и завертываютъ въ пучокъ. Женщины всѣ волосы завертываютъ на головѣ пуклями, закладываютъ высокій гребень множество лентъ, искусственныхъ цвѣтовъ и разныхъ серебряныхъ или золотыхъ шпилекъ и фигурокъ. Мужчины галстуховъ, а женщины какихъ либо украшеній на шеѣ не имѣютъ; только воротники у халатовъ отдѣляютъ одинъ отъ другаго, чтобы показывать — сколько ихъ надѣто. Замѣчательны у всѣхъ безъ разбора японцевъ, платки носовые; это клочокъ чистой мягкой писчей бумаги, — которою они утираютъ носъ свой только одинъ разъ, а потомъ бросаютъ какъ нечистое и болѣе уже негодное.

Жизнь японцевъ.

При восходѣ солнца ударяютъ нѣсколько разъ въ большой чрезвычайно звонкій колоколъ; затѣмъ ворота по улицамъ отворяются и японцы, кому нужно, выходятъ изъ домовъ своихъ для занятій. Словомъ, посредствомъ колокола возвѣщается жителямъ то, что для свойственныхъ каждому работъ, день насталъ. Не дознался я какъ японцы разсчитываютъ время ночи и время дня, но знаю положительно, что часы ночные означаютъ боемъ въ дощечки, а часы денные — боемъ въ колоколъ. Кушаютъ, по обыкновенію своему, три раза на день: утромъ, въ полдень и вечеромъ. Вседневная пища ихъ: каша изъ сорочинскаго пшена, — это вмѣсто хлѣба; похлебка изъ рѣдьки, или супъ изъ грибовъ, кисель изъ бобовъ, вяленая рыба, раки, всякаго рода зелень и трава; тертая рѣдька, огурцы, бобы съ медомъ, горохъ, яицы, плоды, китовый жиръ и многое другое; но любимое ихъ кушанье — молодой бамбуковый тростникъ, который разводится во множествѣ по рѣкамъ и приморскимъ берегамъ. Соли не бываетъ при кушаньи, а вмѣсто того просоленую рѣдьку въ ломтикахъ, прикусываютъ за каждымъ глоткомъ употребляемой пищи. Ложекъ и вилокъ нѣтъ; жидкость прихлебываютъ прямо изъ чашки, а какіе либо кусочки берутъ и въ ротъ кладутъ двумя тонкими палочками; садятся на полу, ѣдятъ изъ одной чашечки, ста-

вится на подносахъ предъ каждымъ отдѣльно (рисунки двухъ чашечекъ и вилки японской). Ѣдятъ такъ мало, что у насъ семилѣтній дитя больше съѣсть можетъ; завтракъ, обѣдъ и ужинъ бываютъ у нихъ не продолжительно, послѣ чего безпрестанно курятъ табакъ изъ маленькихъ трубочекъ (рисунокъ трубки) и пьютъ горячій чай безъ сахара, въ это время промежду собою разговариваютъ. Холоднаго питья, неваренаго чего либо, совершенно не употребляютъ; дрова постоянно горятъ подъ очагомъ, чайникъ мѣдный съ водою и чаемъ день и ночь виситъ надъ огнемъ. Чай кипятятъ, а потомъ наливаютъ въ фарфоровыя чашечки (рисунокъ этой чашечки). Къ безпрестанному питью чая и куренію табака какъ мужчины, такъ женщины, даже нерѣдко дѣти, страшные охотники. Сахару у нихъ нѣтъ, а есть песокъ, который содержитъ въ себѣ не много сладости. Японцы всѣ отъ богатаго до бѣднаго, отъ знатнаго до простолюдина, между собою миролюбивы и одинъ къ другому всегда почтительны. Встрѣчаясь на улицахъ, или при свиданіи въ домахъ, безъ разбора знакомства обоюднаго, непремѣнно другъ-другу кланяются. Поклоны эти выражаютъ разными манерами: или приложеніемъ ладоней обѣихъ рукъ повыше колѣнъ и присѣданьемъ одинъ предъ другимъ по нѣскольку разъ; или нагибаются довольно низко, присѣдаютъ на колѣна и касаясь пальцами до земли, произносятъ привѣтныя слова; или предъ старшимъ и знатнымъ падаютъ ницъ лицомъ, ладони кладутъ на полъ, лбомъ касаются земли и громко произносятъ слова. Старшіе, знатные — младшимъ и простолюдинамъ отвѣчаютъ или наклоненіемъ головы, или же небольшимъ присѣданьемъ. Почтительность у японцевъ между собою и взаимное миролюбіе есть особенное, отличительное свойство ихъ жизни; нарушителя этого мѣстнаго обычая наказываютъ по всей строгости закона. Тишина, благопристойность и честность — удивительно сохраняются; пьяныхъ и безобразно шатающихся японцевъ я вовсе не видалъ; воровство, насиліе и присвоеніе чужой собственности влечетъ за собою позорную, даже смертную казнь. Празднество у нихъ бываетъ тихо, скромно и благопристойно; въ знакъ того, что насталъ праздникъ, выстав-

ляютъ на домахъ пучки изъ травы; угощаютъ другъ-друга сагою, конфектами и чаемъ. Саги — хмѣльное вино. Это лучшій напитокъ у японцевъ; дѣлаютъ его изъ сарочинскаго пшена и сохраняютъ лучшую въ глиняныхъ горшкахъ, а посредственную въ четыреугольныхъ деревянныхъ ящикахъ. Пьютъ весьма умѣренно и никакъ не до пьяна. Конфекты дѣлаютъ въ видѣ круглыхъ лепешечекъ изъ муки того же пшена, съ примѣсью сахарнаго песку, на вкусъ не очень пріятны, но у японцевъ считаются эти конфекты за особенное наслажденіе. Чай у нихъ черный и зеленый; первый употребляютъ вседневно, а послѣдній при угощеніи и въ праздники. Кромѣ обычныхъ, незначительныхъ празднествъ, замѣчателенъ у нихъ праздникъ дѣтскій: дѣтей одѣваютъ въ весьма красивые халаты, приводятъ во множествѣ на площадь и здѣсь предоставляютъ имъ свободу бѣгать, играть, плясать, кувыркаться, послѣ чего одѣляютъ конфектами и подарками. Собственную радость, похвалу и одобреніе другаго, выражаютъ хлопаньемъ въ ладоши, при горѣ же и печали, надѣваютъ халаты изъ матеріи бѣлаго цвѣта, волосъ въ это время не брѣютъ и ногтей не обстригаютъ. Японцы, имѣютъ лошадей, — которыхъ употребляютъ для верховой ѣзды по горамъ, — возки разныхъ тяжестей и дровъ изъ лѣсу; разводятъ коровъ, воловъ, сабакъ; но всѣ эти животныя весьма мелкой породы. Куръ, — утокъ, у нихъ множество; до скотоводства Японцы большіе охотники но мясное въ пищу употребляютъ весьма немногіе изъ нихъ.

Вѣроисповѣданіе и обряды.

Обряды вѣроисповѣданія у японцевъ многоразличны: иные вѣру свою заключаютъ въ поклоненіи духамъ невидимымъ, — изъ которыхъ духъ свѣта есть главное божество, другіе обожаютъ: огонь, солнце, луну и звѣзды; нѣкоторые вѣруютъ въ переселеніе душъ въ скотовъ, птицъ и потому никакихъ животныхъ не умерщвляютъ и мясное въ пищу не употребляютъ; многіе же вѣру свою поставляютъ въ исполненіи чрезъ бонзовъ однихъ только наружныхъ обязанностей. Храмовъ по городамъ и селеніямъ, часовень по горамъ и въ лѣсахъ множество. Постройка храмовъ

тотчасъ отличается отъ постройки домовъ своею изящностію, величиною и кровлею крыши. Не много вдали подъ навѣсомъ — большой колоколъ, въ который при начатіи службы, рано утромъ и поздно вечеромъ ударяютъ нѣсколько разъ довольно часто молотомъ: при дверяхъ большія каменныя чаши съ водою для омовенія рукъ; въ храмѣ къ одной стѣнѣ наставлено множество кумировъ: вылитыхъ изъ серебра, мѣди и другаго металла, вырѣзанныхъ изъ кости и дерева. Кумиры эти имѣютъ видъ разнородныхъ животныхъ и птицъ, напримѣръ: собакъ, зайцевъ, пѣтуховъ (рисунокъ кумира); предъ ними стоятъ небольшіе подсвѣчники со свѣчами; посрединѣ на помостѣ небольшая скамѣечка съ книгою на ней, по сторонамъ скамѣечки два барабана круглые: направо звонкій и налѣво глухой. На моленіе не ходятъ, а если кто желаетъ помолиться, придя одинъ въ храмъ, падая ницъ лицомъ, указываетъ на кумира и проситъ бонзу принести ему въ жертву сорочинское пшено и прочесть извѣстное словословіе. Бонза, принявъ сорочинское пшено, послѣ чего японецъ выходитъ, одѣвается въ халатъ бѣлаго цвѣта, наполняетъ пшеномъ пустую голову кумира, между зубъ его вкладываетъ зерна три или четыре и, присѣвъ на колѣна, начинаетъ молитвословіе по книгѣ нараспѣвъ, долго кричитъ, перемѣняя тоны голоса и при перемѣнѣ тона — бьетъ въ звонкій барабанъ, третъ въ рукахъ своихъ четки (рисунокъ четокъ), а когда кончитъ молитву, то разъ ударитъ въ глухой барабанъ, съ величайшимъ вниманіемъ около минуты посмотритъ на того кумира, которому пѣлъ молитву, за тѣмъ еще тише ударитъ въ глухой же барабанъ, встанетъ и тихонько отойдетъ въ свое жилое отдѣленіе. Послѣ чрезъ нѣсколько минутъ выбравъ изъ головы кумира пшено, употребитъ въ свою пользу. Я неоднократно бывалъ очевидцемъ такого однообразнаго моленія у японцевъ, а по времени узналъ отъ бонзы, что удареніе его разъ въ глухой барабанъ, означаетъ то, что жертва кумиромъ принята, а ударъ второй — выражаетъ, что кумиръ опочилъ, или заснулъ. Духовенство японское — бонзы живутъ по два и по три въ храмѣ, тутъ же — предъ кумирами своими — они ѣдятъ пищу, курятъ табакъ, пьютъ чай и разговариваютъ о всемъ житейскомъ.

Они подвѣдомы старшимъ надъ ними духовнымъ властямъ, а власти эти зависятъ отъ духовнаго императора, который, кромѣ свѣтскаго императора, никогда и ни кѣмъ изъ народовъ не видимъ. Онъ мѣста бонзамъ раздаетъ за деньги, за деньги же нерѣдко прославляетъ бонзу по смерти и повелѣваетъ ставить предъ тѣмъ храмомъ, въ которомъ служилъ умершій, памятникъ въ видѣ истукана. Правда рѣдко это бываетъ, но я видѣлъ таковыхъ истукановъ нѣсколько при разныхъ храмахъ. Кромѣ бѣлаго духовенства, есть секта монашествующихъ, которые живутъ по горамъ и моленіе свое отправляютъ въ часовняхъ. Бонзы голову брѣютъ на-чисто, во время молитвословія перекидываютъ чрезъ плечо широкій поясъ, на концѣ котораго сумка и колокольчики. Обряды совершаемые духовенствомъ при рожденіи младенца, бракосочетаніи и погребеніи умершихъ видѣлъ я лично. Какъ только народится младенецъ, бонзу призываютъ въ домъ, здѣсь онъ распѣваетъ одинъ около четверти часа по книгѣ, — за тѣмъ на младенца надѣваетъ шелковый халатъ, опоясываетъ и за поясъ закладываетъ трубку, кошелекъ съ табакомъ, огнивомъ и тѣмъ дѣло кончается. Бракъ совершается тоже въ присутствіи Бонзы въ домѣ; онъ съ полчаса читаетъ по книгѣ на-распѣвъ, потомъ женихъ беретъ руку невѣсты, сжимаетъ ее крѣпко такъ, что послѣдняя вскрикнетъ, далѣе ей чернятъ зубы какимъ-то крѣпкимъ составомъ и тѣмъ обрядъ оканчивается. Между тѣмъ отецъ и мать невѣсты горько плачутъ о будущей судьбѣ своей дочери. Число лѣтъ для бракосочетающихся не означено; съ 10-ти лѣтняго однакожъ возраста японцы вступаютъ въ бракъ; у каждаго японца по одной законной женѣ, кромѣ которой ему предоставляется право имѣть при себѣ еще трехъ женъ, онѣ живутъ всѣ вмѣстѣ при японцѣ; въ правѣ и распоряженіяхъ по хозяйству подчиняются старшей, т. е. законной женѣ его. Разводъ съ женами у японцевъ не воспрещается: каждый имѣетъ право разводиться съ женою своею самопроизвольно, безъ всякаго дозволенія на то отъ правительства. Ни отецъ съ матерью, ни кто другой сторонній человѣкъ не могутъ принять въ домъ свой той женщины, которая, бывъ замужемъ, отчуждена имъ отъ себя. Погребеніе умершихъ совершается довольно замѣчательно: призванный въ домъ бонза читаетъ надъ умершимъ нѣсколько по книгѣ; мертваго опускаютъ въ сидячемъ положеніи въ ящикъ, заколачиваютъ гвоздями, вечеромъ несутъ за городъ и тамъ сожигаютъ на огнѣ. Пепелъ зарываютъ въ землю и ставятъ памятникъ; въ памятникѣ дѣлаютъ небольшой ящичекъ, въ который въ извѣстное время кладутъ деньги для бонзовъ и горныхъ монаховъ. Богатые люди предаютъ тѣла умершихъ своихъ родныхъ землѣ, на кладбищахъ, безъ сожиганія, при этомъ случаѣ бываетъ особенная церемонія, та, что старшаго бонзу несутъ до кладбища за гробомъ на плечахъ носильщики, а младшій идетъ пѣшій, потомъ по два въ рядъ съ древесными вѣтвями, идутъ провожатые, на кладбищѣ бонзы много читаютъ по книгѣ на разноголосные тоны и во время этого гробъ зарываютъ въ землю. Погребеніе умершихъ совершается у японцевъ не только безъ малѣйшаго сожалѣнія, скорби и плача, но съ равнодушіемъ и холодностію; самые ближайшіе родные къ умершему, во время похоронъ, веселятся, курятъ безпрерывно табакъ, устраняются и нетолько они сами, но даже никто сторонніе не входятъ въ ту комнату, въ которой лежитъ тѣло покойника. Вообще о вѣроисповѣданіи у японцевъ можно сказать, что люди сіи находятся въ величайшемъ заблужденіи о истинномъ богопоклоненіи.

Произведенія природы.

Разнородныхъ деревъ и цвѣтовъ въ Японіи весьма изобильно. По горамъ растутъ плодоносныя и фруктовыя деревья; въ долинахъ созрѣваютъ всякія ягоды; сорочинское пшено засѣвается хотя въ маломъ количествѣ, но родится во множествѣ; для посѣва его японцы удобриваютъ землю, на которой разсѣваютъ пшено. и когда оно взойдетъ, то разсаживаютъ по грядамъ пучками. Сорочинскимъ пшеномъ и рѣдькою засѣваются большія пространства полей; этими двумя необходимыми произрастеніями продовольствуется вся многолюдная Японія. Чайныхъ деревьевъ множество; японцы не заботятся объ этомъ растеніи; хлопчатой бумаги и шелку чрезвычайное изобиліе. Во всѣхъ отношеніяхъ природа такъ богата своими произведеніями, что безъ всякаго усилен-

наго трудолюбія, Японцы живутъ, можно сказать, въ полномъ удовольствіи и безъ недостатка во всемъ.

Промыслы и торговля.

Особенная промышленность — рыбныя ловли. Торговля всякаго рода предметами производится точно также какъ и у насъ: у японцевъ есть лавки, въ которыхъ имѣются шелковая матерія, лакированныя, золотыя, серебряныя и мѣдныя вещи. Они продаютъ или торгуютъ между собою; съ другими иноземными народами, кромѣ голландцевъ, въ торговыя дѣла не входятъ.

Въ заключеніе моего краткаго свѣдѣнія о Японіи, я могу прибавить вообще то, что Японія — прекрасная страна по климату; что японцы живутъ во всемъ изобильно и что народъ этотъ кротокъ и миролюбивъ въ общественной между собою жизни. 2-го числа іюля 1855 года, при добродушномъ проводѣ насъ, мы отплыли изъ Японіи на нанятомъ бременскомъ суднѣ къ восточнымъ берегамъ Сибири.

ГЛАВА XIII.

Плаваніе по Восточному океану. Взятіе русскихъ въ плѣнъ англичанами. Освобожденіе меня изъ плѣна. Портъ Аянъ. Моя поѣздка по Сибири и прибытіе въ С.-Петербургъ.

Постоянные туманы замедляли плаваніе наше по океану; 20 числа, одинъ изъ офицеровъ, расположился праздновать день своего ангела. По отправленіи молебнаго пѣнія св. пророку Иліи, мы приступили къ закускѣ. Едва успѣли поздравить имянинника, какъ вѣстовой, съ верхней палубы, громогласно возвѣстилъ, что вблизи нашего судна видѣнъ пароходъ, съ котораго вскорѣ за тѣмъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ пушки. Шкиперъ нашего судна выкинулъ флагъ американской націи; съ парохода произошелъ второй выстрѣлъ и судно наше остановилось на ходу. Между тѣмъ 250 челов. запрятались въ самый нижній этажъ судна, по мор-

скому называемый «трюмъ», въ которомъ хранились разные припасы..... Слышимъ, на нашемъ суднѣ производится осмотръ..... дошло дѣло и до трюма..... Ни живы ни мертвы лежали мы одинъ почти на одномъ. «А здѣсь что»? спросилъ шкипера неизвѣстный намъ голосъ, «съѣстные припасы» отвѣчалъ хозяинъ судна. «Покажите» произнесъ тотъ же голосъ; трюмъ открытъ..... «хороши съѣстные припасы!!» произнесъ торжественно офицеръ: «это намъ и нужно» «Прошу выходить!» Съ величайшимъ страхомъ мы начали выходить по одиначкѣ на верхнюю палубу. Англійскій офицеръ, имѣя при себѣ до 20 человѣкъ вооруженныхъ матросовъ, съ самодовольствомъ посматривалъ и пересчитывалъ добычу. Мы объявлены плѣнными! Завидна ли была побѣда вооруженныхъ надъ безоружными, могуча ли битва, изъ двухъ выстрѣловъ состоявшая? Конечно, съ бывшимъ на суднѣ числомъ англичанъ мы могли управиться, но что сталось бы далѣе съ нашимъ судномъ, съ нами самими?! Съ парохода спущены гребныя суда для перевозки на пароходъ.... У каждаго была одна дума: съ перевозомъ всѣхъ на пароходъ вступить въ рукопашную, побросать англичамъ за бортъ и овладѣвъ пароходомъ пуститься на немъ къ берегамъ Сибири. Дума наша не осуществилась; англичане оцѣпивъ судно, повлекли его къ общей своей эскадрѣ, расположенной въ портѣ Аянъ и сдали командору Чарлсу Фредерику. Насъ размѣстили по каютамъ на разныхъ фрегатахъ и пароходахъ; обходились однакожъ довольно добросердечно; чрезъ четыре дня, послѣ взятія насъ въ плѣнъ, меня, доктора и больныхъ, англичане освободили и высадили въ портѣ Аянъ на берегъ; прочихъ же офицеровъ и команду оставили у себя въ плѣну. Въ портѣ Аянъ встрѣтился я съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, съ которымъ пробывъ двое сутокъ, отправился 27 іюля въ тѣ мѣста, гдѣ жители порта Аянъ скрывались отъ нашествія непріятеля. 30 числа прибылъ сюда и преосвященный; 1-го августа оставили мы бѣдныхъ, устрашенныхъ непріятелемъ жителей и слѣдовали четырнадцать дней лѣсами по болотистымъ, топкимъ мѣстамъ на оленяхъ и лошадяхъ верхами, встрѣчая нерѣдко на пути своемъ медвѣдей. 14 августа, принявъ отъ его преосвященства напутственное благосло-

веніе, отправился я одинъ на почтовыхъ лошадяхъ по тракту, до С.-Петербурга, куда и прибылъ въ совершенномъ благополучіи 6-го декабря 1855 года.

Благодареніе Господу-Богу! совершилъ я путешествіе вокругъ свѣта, хотя не во всемъ благополучно, но возвратился въ совершенномъ здоровьи; что видѣлъ, о томъ и разсказалъ вамъ, мой благосклонный читатель. Вы прочли мои замѣтки? прошу не взыскать на подробности разсказа, на изящности слова: «чѣмъ богатъ», есть поговорка, «тѣмъ и радъ!»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Біографія протоіерея В. Е. Махова 1

Вступленіе 1

Глава I. Отбытіе фрегата изъ Кронштадта. Мысли при разлукѣ съ родиною. Морская болѣзнь. Копенгагенъ. Путь далѣе. Проливъ Ламаншъ. Атлантическій океанъ. С. Себастіанъ и его негостепріимство. Переходъ чрезъ экваторъ. 6-е ч. декабря 3

Глава II. Ріо-Жанейро. 9

Глава III. Мысъ Горнъ. Матросъ въ морѣ. Морскіе жители 15

Глава IV. Вальпарайсо. Жители его. Знакомство съ французами и англичанами. Загородная мѣстность. Нашъ отъѣздъ. Праздникъ пасхи на Тихомъ океанѣ 20

Глава V. Прибытіе на Сандвичевы острова. Конаки-нырки. Городъ и его жители. Представленіе наше королю. Посѣщеніе королемъ нашего фрегата. Рукописи его и королевской фамиліи. Двукратное отбытіе съ острововъ. 25

Глава VI. Прибытіе фрегата «Діана» къ восточнымъ берегамъ Сибири. Заливъ де-Кастри. Дѣло моего служенія. Приведеніе гиляковъ—не христіанъ въ православную вѣру. Жизнь ихъ. Генералъ-адъютантъ Путятинъ. Плаваніе фрегата «Діана» къ инымъ берегамъ Сибири и въ Японію. . 32

Глава VII. Японія. Переходъ фрегата изъ порта въ портъ. Городъ Симода. 11-е ч. декабря 1854 г. Страшное землетрясеніе 36

Глава VIII. Фрегатъ «Діана». Молебствіе на фрегатѣ 39

Глава IX. Осмотръ фрегата. Мѣстность города Симоды. Японцы-горюны. Похороны матроса Соболева. Русскій священникъ и японское духовенство. Работы на фрегатѣ. Выходъ изъ Симодской бухты. Двѣ пословицы. . 43

Глава X. Опасное положеніе. Промыслъ Божій и услуга японцевъ. Переправа съ фрегата на берегъ. Гибель фрегата «Діана». 45

Глава XI. Заботливость о насъ японцевъ. Переходъ изъ Міасимо въ Іеддо. Встрѣча насъ городскими жителями. Размѣщеніе наше 48

Глава XII. Въ которой разсказъ идетъ о Японіи 52

Глава XIII. Плаваніе по Восточному океану. Взятіе русскихъ въ плѣнъ англичанами. Освобожденіе меня изъ плѣна. Портъ Аянъ. Моя поѣздка по Сибири, и прибытіе въ С.-Петербургъ. 62

